

Англия, XVIII век. Молодая и красивая аристократка София Графтон ждет первого настоящего выхода в свет и представления монарху. Она мечтает о любви и счастье... Внезапно жизнь Софи переворачивается после смерти любимого отца, который не вынес своих финансовых неудач. Юная девушка вынуждена одна отправиться в Северную Америку, где осталась последняя собственность семьи — поместье и табачная плантация в колониальной Вирджинии. София прибывает в Новый Свет и, преодолевая страх и терпя неудачи, отправляется на поиски плантации. Впереди — страшные разочарования и выживание в диких условиях. Однако за выдающуюся храбрость и упорство София будет вознаграждена тем, о чем всегда мечтала.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3379-9

9 786171 233799

ХЕЛЕН БРАЙАН

ДОМИНА
НАДЕЖДЫ

ДОМИНА НАДЕЖДЫ

ХЕЛЕН БРАЙАН

THE
VALLEY

HELEN BRYAN

A NOVEL

ДОЛИНА НАДЕЖДЫ

ХЕЛЕН БРАЙАН

РОМАН

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
Б87

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
“Amazon Publishing”, www.apub.com,
и “Synopsis Literary Agency”

Переведено по изданию:

Bryan H. The Valley / Helen Bryan. — Seattle :
Lake Union Publishing, 2016. — 578 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайн обложки *Mibl Art*

ISBN 978-617-12-3379-9
ISBN 978-1-5039-3615-7 (англ.)

© Helen Bryan, 2016
© Netiro Ltd, издание на
русском языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2017

Роджеру Лоу, с любовью

*Посвящается Мишель, Нильсу,
Бо и Поппи Брайан-Лоу,
а также Касселю Брайан-Лоу,
Джонни и Джейку Хорсменам*

ПРОЛОГ

Лондон, 1754 год

Ближе к вечеру солнечным июльским днем бригантина «Бетси Уиздом», битком набитая пассажирами, направляющимися в Вирджинию, отдав паруса, тяжело вышла с отливом из доков Биллингсгейта в Темзу, кишашую большими и малыми судами, и принялась протискиваться меж яликами паромных перевозчиков и драпированными бархатом прогулочными баркасами состоятельной публики, держа курс на Блэкуолл. Мимо проплывали дома купцов и знати, которые величественно возвышались по обоим берегам реки, щедро разбавленные убогими лачугами, теснящимися у самой воды. Скользя мимо здания таможи, она оставила позади бурлящий водоворот грязных улочек и переулков Лондона, его карманников, проституток и попрошаек, законников и стряпчих в Темпле, государственных мужей в Уайтхолле, военных врачей, цирюльников и поэтов, гильдейские собрания, рынки, суды и театры. Шпили лондонских церквей становились все ниже, и перезвон их колоколов таял вдали. Вот над Дагенхэмскими болотами встали башни Истбери-Манора, сверкая в лучах заходящего солнца, а «Бетси Уиздом» все так же шла мимо и мимо, направляясь к Кенту и дельте Темзы, за которой лежало открытое море.

В устье реки бригантина подняла паруса и поймала северо-восточный ветер, который и вынес ее в Северное море, где она совершила поворот оверштаг и взяла курс на юг.

Но летний бриз был порывистым и недостаточно ровным, чтобы благополучно вывести судно в Ла-Манш. Спокойное начало плавания вселило ощущение уверенности у пассажиров, но моряки вполне отдавали себе отчет в том, какие

опасности поджидают их впереди. После Плимута, когда бригантина повернула сначала на юг, а потом на запад, выходя в Атлантику, они то и дело с опаской поглядывали на горизонт. Все они, от капитана до последнего юнги, испытывали чувство тревоги и беспокойство из-за того, что «Бетси Уиздом» отправилась в столь дальний путь одна, а не в составе конвоя. Одинокий корабль мог стать легкой добычей для пиратов. Мавры-корсары, рышущие вдоль северного побережья Африки от Туниса до Алжира, внушали не меньший страх, чем их христианские собратья по ремеслу, промышленные разбойники в окрестностях Мальты. Все они без раздумий нападали на английские, французские и испанские суда, захватывали груз, а пассажиров и экипаж продавали на невольничьих рынках Северной Африки. Особенно ценились белые рабы.

Но даже если им удастся ускользнуть от пиратов, то погода в августе славилась своей печальной непредсказуемостью — сейчас море выглядело мирным, как прибрежные воды Англии, которые они только что оставили за кормой, но в Атлантике яростный шквал мог налететь с ужасающей внезапностью. Однако капитану «Бетси Уиздом» не терпелось совершить обратный рейс до того, как зимние штормы сделают переход через Атлантику еще опаснее. При этом на обратном пути он рассчитывал доставить в Англию груз табака, настолько ценный, что ради доли в прибыли готов был пойти на любой риск. Спрос на табак в Европе рос не по дням, а по часам.

На подходе к Канарским островам вахтенные заметили на горизонте три шхуны и подняли тревогу, но те прошли мимо. Судя по координатам точки встречи, капитан решил, что это корабли работоторговцев, везущие невольников из Западной Африки, а не пираты.

Но облегчение, которое испытали моряки, оказалось кратковременным. Уже к полудню солнце сначала потускнело, а потом и вовсе скрылось за стальными тучами. На море поднялось сильное волнение. Легкая голубая рябь сменилась серыми валами, увенчанными шапками пены. Ветер усилился. Матросы поспешили взять рифы у парусов, и «Бетси

Уиздом» задрожала под ударами огромных волн, то взбираясь на высокие водяные горы, то проваливаясь между ними в пропасть взбаламученной воды. Стоны и скрипы обшивки заглушили вой ветра, и вскоре начало казаться, будто корабль вот-вот развалится на части. Но, раскачиваясь с носа на корму и содрогаясь под ударами волн, обрушивающихся на палубу, бригаantina каким-то чудесным образом сохраняла остойчивость и выдерживала курс, подгоняемая человеческой жадностью — силой, которая превосходила даже стихию.

Ошеломленным и насмерть перепуганным пассажирам оставалось только страдать, терпеть и молиться. Дочь пэра и ее спутница смогли позволить себе роскошь испытывать жесточайшие приступы морской болезни в уединении крошечной сырой каюты, где обе женщины из последних сил удерживались на узенькой деревянной койке, чтобы их не швыряло, подобно тряпичным куклам, в такт дикой качке. Прижимая ко лбу носовые платочки, смоченные лавандовой водой, они старательно читали по памяти псалмы, дабы утешить друг друга.

А внизу темный, кишасий крысами трюм был битком забит преступниками и бедными семействами, которых перевозили к новому месту назначения по щиколотку в вонючей воде, насквозь промочившей их жалкие пожитки. Их тошнило от качки, они боялись утонуть и чувствовали себя столь же беспомощными перед бурным морем, сколь были бессильны перед лицом властей и толстосумов на суше. Сама Смерть пришла к ним под видом цинги и дизентерии. Дети пали ее первыми и самыми легкими жертвами, поскольку оказались наименее приспособлены к сырости, тесноте и антисанитарии — тухлой говядине и заплесневелым галетам, зловонной питьевой воде, бесконечной рвоте и поносу, спазмам и головокружению, язвам во рту и вшам. Но когда кошмарные дни и ночи слились воедино, став неразличимыми, пресытившаяся Смерть обратила свой взор и на взрослых, выжидая последнего мгновения слабости и отчаяния, когда жажда жизни угасает, чтобы схватить жертву покрупнее. Мертвецов выбрасывали за борт, даже не завернув в саван и не прочитав

поминальной молитвы. А живым оставалось раскаиваться в выборе, который они сделали, отправившись в путь, оплакивать своих детей, опускающихся в океанскую пучину, чтобы стать кормом для рыб, да страстно тосковать о тяготах, оставшихся позади. Но «Бетси Уиздом» плыла дальше, как казалось, прямо черту в зубы, оставляя за собой кильватерный след из трупов и увозя живых в Новый Свет, где их ждала неведомая участь, за которую они столь дорого заплатили.

Для тех, кто выжил, плавание продлилось восемь недель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЕНТ-ДЖЕЙМССКИЙ ДВОРЕЦ

Лондон, январь 1751 года

Это был первый официальный салонный прием в новом году, и завзятые светские модники Лондона и те, кто только собирался стать таковым, собрались вместе, дабы провести промозглый зимний вечер в обществе друг друга. Единственным необходимым условием было наличие вечернего туалета — платья-манто и юбки на китовом усе для дам, тогда как мужчины обязаны были надеть парик, украшенный золотой или серебряной нитью костюм, тонкие чулки, шпагу и церемониальную шляпу с плоской тульей, которую полагалось держать под мышкой в знак того, что ни один из них не покроет голову в присутствии монарха. Вся эта пышно разодетая публика набилась в большой салон Сент-Джеймского дворца, откуда постепенно рассредоточилась по игорным комнатам, танцевальным залам и буфетным.

Они явились выказать уважение королю, ведь некоторые из них отчаянно стремились подобраться поближе к трону, чтобы привлечь к себе внимание, вымолить милость, место и повышение по службе для себя или своих родственников. Они пришли, чтобы встретиться со знакомыми, послушать последние сплетни о кронпринце, повидаться с любовниками или возлюбленными, потанцевать, выпить пунша и сыграть в карты. Они искали любую возможность выделиться и возвыситься, установить или улучшить отношения с влиятельными персонами и вообще приятно провести время.

В этот вечер особенное внимание обращала на себя стайка взволнованных, заметно нервничающих молоденьких девушек в самом расцвете невинной девичьей красоты, в новых платьях,

украшенных лентами и оранжерейными цветами. В компании родственников мужского сословия либо покровительниц женского пола они ожидали случая быть представленными при дворе и официально принятыми королем Георгом II и его дочерью, принцессой Амелией.

Одной из них была красавица София Графтон, опиравшаяся на руку отца, виконта Графтона; по другую сторону от нее стояла ее крестная мать, леди Бернхэм. Подобное представление служило своего рода уведомлением, что отныне юная девушка имеет полное право официально появляться в обществе и быть принятой при иностранном дворе, но все прекрасно понимали, что это был и сигнал о том, что она достигла брачного возраста.

Софию, которой четыре месяца назад исполнилось шестнадцать, естественно, интересовало замужество, но исключительно в абстрактном, отвлеченном смысле, так сказать. Брачный союз представлялся ей отдаленным, скучным и, скорее всего, неизбежным будущим, неразрывно связанным с чувством долга и необходимостью иметь детей. В данный момент он интересовал ее куда меньше тех непосредственных перспектив, что открывались перед девушкой, вступающей в высшее общество. Выход в свет означал главным образом возможность посещать балы, о чем она мечтала вот уже много лет. Балы же сулили романтические увлечения, опять-таки в самом общем смысле, ибо не имели ничего общего с реальным замужеством, зато подразумевали красивые платья, музыку и бальные залы, переполненные молодыми людьми, добивающимися права танцевать с нею. И если некоторые из молодых женщин, занимающих то же положение, что и София, предвкушали замужество как средство для обретения свободы после того, как произведут на свет наследника, то сама София подметила, что свобода жены зависит от прихоти мужа. Последний имел право ограничить свободу супруги так, как ему заблагорассудится. Лорд Графтон был любящим отцом, и София, не питая особенного интереса к кому-либо из молодых людей, вовсе не спешила обменять столь щедрого и благожелательного родителя на совершенно непредсказуемого супруга.

Удостоверившись, что София наконец-то обрела здравый смысл и благопристойность, усвоив заодно и правила приличия, кои он столь старательно стремился привить ей, лорд Графтон и впрямь предоставил дочери большую свободу. Его друзья предостерегали его, что шестнадцать лет — трудный возраст, когда девушки с большой охотой воображают, что влюблены. Однако лорд Графтон полагал, что сей этап взросления Софии, сколь бы бурным он ни был временами, уже благополучно пройден и остался в прошлом. Красавица София обладала острым и практическим складом ума. Она не увлекалась чтением романов и еще ни разу не демонстрировала романтической склонности тосковать о каком-либо ослепительном рыцаре на белом коне. И если она с нетерпением ожидала возможности посещать балы — что ж, в ее возрасте это было естественно. Танцы — вполне невинное времяпровождение, и лорд Графтон ничего не имел против них.

Для Софии же появление в королевской гостиной нынешним вечером означало окончательный отказ от скуки и уныния классной и детской комнат, а также строгой гувернантки. Целых четыре года она стремилась к тому, чтобы иметь возможность надеть красивое платье, танцевать в обществе, обзавестись поклонниками и ужинать в поздний час, и эта цель стала для нее самой желанной и долгожданной. Нетерпеливо ожидая, пока шеренга двинется вперед, она вслушивалась в соблазнительные и волнующие звуки музыки, долетающие из бальной залы, и мысленно подталкивала девушку впереди себя, чтобы та поторапливалась. Софии казалось, будто перед нею вот-вот распахнутся врата рая, и задержка буквально выводила ее из себя.

Глаза ее сверкали, пока она упивалась броским великолепием общества, частью которого ей довелось стать сегодня вечером: блеском драгоценностей; тяжелыми ароматами духов и пудры, которые забивали куда более неприятные запахи; элегантными крошечными мушками черного атласа и высокими прическами светских модниц; морем изысканных тканей, натянутых на широкие обручи юбок из китового уса; корсажами, вырезанными столь искусно, что едва удерживали пышные груди; цветастыми поясами и кушаками, жилетами и прочими

декоративными украшениями, кои носили мужчины; случайными росчерками военных мундиров; ливреями лакеев; париками, кружевными манжетами и оборками; веерами, которые закрывались и вновь раскрывались, передавая тайные кодированные послания влюбленным, — всей той роскошью и богатством, что царили повсюду!

Нынче вечером София чувствовала себя в ударе и, поглядывая на других девушек и признанных модниц, уверилась в том, что ее платье было самым красивым, хотя ради него ей пришлось выдержать битву со своей крестной матерью. Чопорная и прямолинейная леди Бернхэм, вырядившаяся в древний черный атлас, хотя и украшенный полагающимися широкими юбками и кружевными оборками на локтях, после смерти супруга обратилась в ярую евангелистку. С пылом, несвойственным ее классу, она окунулась в чтение Библии, погрузилась в деятельность миссионерских обществ и занялась добрыми делами для бедняков. Она категорически не одобряла все фривольное, включая выход девушек в свет, шикарные платья, презентации, увеселительные прогулки, пьесы, балы и все прочее, что отвлекало их внимание от проявлений духовного начала, достижения высоких целей или благотворительности. Она не покладая рук трудилась над религиозным пробуждением Софии, в чем, правда, не достигла видимых успехов.

Тем не менее, невзирая на отвращение к легкомысленному времяпрепровождению и собственную озабоченность духовным благоденствием Софии, леди Бернхэм сочла своим долгом сопровождать девушку нынче вечером вместо ее покойной матери, поскольку лорд Графтон категорически настаивал на том, чтобы его дочь, последний представитель рода Графтонов, была официально представлена высшему обществу. И хотя сама леди Бернхэм не видела в этом решительно никакой необходимости, она все же согласилась, пусть и неохотно, что титул налагает на его носителя определенные обязательства, и посему на время отложила в сторону собственные предубеждения. Она сочла, что, как только София выйдет в свет, ее отец сосредоточится на том, чтобы поскорее устроить дочери подобающий брачный союз, а затем, удалившись после замужества

в деревню, София окажется вне досягаемости непристойных соблазнов высшего света и ступит на куда менее искушающую стезю добродетели в Сассексе. Леди Бернхэм сама росла и воспитывалась в деревне, придерживаясь твердого мнения, что там обрести благочестие куда легче, нежели в Лондоне.

Итак, леди Бернхэм, несмотря на полное неприятие тщеславного и фривольного времяпрепровождения, из собственного опыта прекрасно знала, какими должны быть манеры и официальное платье девушки, впервые вступающей в королевский салон или гостиную. На протяжении нескольких лет она была фрейлиной покойной королевы Каролины, а после этого — принцесс королевской фамилии, вследствие чего могла наставить Софию в ее приготовлениях. Но в обмен она заявила, что может наложить вето на любое платье, которое сочтет чересчур откровенным. К вящему унынию Софии, леди Бернхэм отказалась санкционировать модный низкий вырез, который выставлял на обозрение всю грудь, а заодно настояла на том, что венецианская карминовая парча, расшитая черной тесьмой и украшенная черными же лентами, которая так пришлась по вкусу Софии, была решительно неподходящей для юной девушки.

Вынужденная отказаться от венецианского кармина, София попыталась было выторговать взамен дозволение на использование макияжа. Губная помада и нечто вроде белил на лице считались отличительными признаками светской львицы, и если уж София полагала скромность своего декольте старомодно девической, то макияж должен был придать ей искусственный и зрелый вид. Как и следовало ожидать, подобная просьба подвигла леди Бернхэм на одну из ее нотаций.

— Макияж! — пришла она в настоящий ужас. — Поистине развращенное тщеславие. Немало красавиц погубили свои души ради красно-белого цвета лица. Не забывай, София, что Иезавель была *размалеванной* блудницей! И помни о том, какой конец ее постиг — ее сожрали собаки. Твоя мать никогда не прибегала к румянам. Усвой этот урок и удовлетворишься тем цветом лица, который даровал тебе Господь.

София даже покраснела от негодования.

— Давайте оставим в покое Иезавель! Это было сто лет тому! А сейчас никто и слыхом не слыхивал о том, чтобы красивую леди разорвали собаки, — с вызовом заявила она.

Утром, накануне своего первого выхода в свет, она отправила горничную за пудрой, губной помадой и осветлителем кожи. Ей доводилось слышать, что макияж может оказаться ядовитым, поскольку пудру изготавливали из свинца, а цвет лица оживляли мышьяком, но в столь торжественный день она хотела выглядеть как можно лучше и потому сказала себе, что капелька румян ей ничуть не навредит. Девушка сочла, что отец будет так поражен и восхищен ее преображением, что отринет любые возражения, кои наверняка выдвинет леди Бернхэм. Она постаралась надежно спрятать те интригующие и волнительные маленькие баночки, которые ее горничная приобрела у одного знаменитого цирюльника.

Тем вечером, после того как волосы ее были уложены и ей осталось лишь надеть платье да материнские украшения, она отослала горничную прочь. Вытащив баночки из-под стопки носовых платков, она придвинула свечи поближе к зеркалу, после чего принялась наносить белила по всему лицу, шее и плечам, там, где они не будут прикрыты платьем. Затем она взяла тампон испанской шерсти и стала втирать в щеки румяна, а в завершение прикрепила маленькую атласную мушку в форме сердечка в уголке губ. Леди Бернхэм предупреждала ее, что эти прелестные маленькие штучки служили явными признаками обмана и имели целью скрыть следы оспы. Но София полагала их вершиной элегантной искусственности, а расположение мушки в уголке губ означало «Поцелуй меня!».

Отступив на шаг от зеркала, она принялась обозревать плоды своих усилий, надеясь, что отец будет настолько восхищен произошедшей с нею трансформацией, что его восторг заставит умолкнуть леди Бернхэм. А все молодые люди непременно обратят на нее внимание и выстроятся в очередь, чтобы потанцевать с нею...

— Ой! О боже! — пролепетала она. Из зеркала на нее смотрело невероятное и незнакомое ей существо. Ее щеки, обыкновенно гладкие и розовые, чудесным образом не постра-

давшие от легкой формы оспы, которую она перенесла в раннем детстве, горели жарким чахоточным румянцем, выделяясь, словно переспелые яблоки, на мраморно-белом личике. Красота, несомненно, требовала светлой кожи, но... неужели она должна быть настолько белой? Ее карие глаза, опушенные длинными ресницами, в сочетании с густыми, ровными бровями напоминали черные дыры. Впрочем, этот недостаток она намеревалась исправить с помощью уловки, к которой, по слухам, прибегали знаменитые красавицы, сбрасывавшие брови начисто, а потом закрашивавшие их белилами и приклеивавшие на их место накладные брови из мышиной шкурки, изогнутые самым привлекательным образом. Она заранее приготовила бритву и разложила на носовом платке коротенькие полоски мышиной шкурки, но теперь задалась вопросом, а действительно ли дохлая мышь сделает ее красивее? При взгляде на волосатую шкурку грызуна девушку вдруг передернуло от отвращения. Пожалуй, нет. И она отложила бритву.

София вновь уставилась на свое отражение, стараясь отыскать сходство с молодыми светскими модницами, коими она восхищалась, катаясь в парке, или блестящими куртизанками в бриллиантах и роскошных экипажах, привлекавших к себе восхищенные взгляды везде, где бы они ни появлялись, хотя леди Бернхэм лишь негодуяще фыркала и обливала их ледяным презрением. Говорят, что все они были накрашены. Так почему же она сейчас ничуть на них не похожа? Она попыталась убедить себя, что это не так, но потом здравый смысл все-таки взял верх, и София нехотя вынуждена была признать, что выглядит лихорадочно больной и изможденной, как те женщины, что исподтишка зазывали мужчин в темные уголки на улицах. Она вдруг усомнилась, что отец придет в такой уж восторг, а что касается леди Бернхэм... Вздохнув, девушка подошла к умывальнику и принялась смывать белила и румяна. Затем она опустошила содержимое баночек в ночной горшок, а мышиные брови швырнула в огонь.

Но хотя бы в отношении бального платья она с леди Бернхэм достигла удовлетворительного компромисса. После долгих споров и даже одного громкого скандала, уговоров и мольбы, которые могли бы повергнуть в изумление и недоумение лорда

Графтона, леди Бернхэм одобрила повторный выбор крестницей ткани и цвета, хотя по-прежнему полагала их нарочитыми и вызывающими.

И теперь, заняв свое место в ряду придворных, София не смогла отказать себе в удовольствии вновь окинуть свой наряд оценивающим взглядом, дабы лишний раз убедиться в том, что выглядит столь же привлекательно, как она и рассчитывала, когда выбирала его. На платье ушло несколько ярдов восхитительного бледно-голубого атласа из Спиталфилдза, расшитого серебряной нитью, переливавшейся в сиянии свечей, и широкой каймой по подолу. Оно получилось чудовищно дорогим — леди Бернхэм даже всплеснула руками, услышав, сколько оно стоит, — но цена не имела решительно никакого значения, удовлетворенно подумала София. Она получала щедрое содержание на наряды, а цвет необычайно был ей к лицу. Разгладив желтую атласную нижнюю юбку, столь прелестно контрастировавшую с небесной голубизной платья, она довольным взглядом окинула кружевные оборки, перехваченные большими бантами у локтей, и поправила жемчужное ожерелье, принадлежавшее ее матери. Девушка легонько потрянула головой, чтобы ощутить приятную тяжесть украшенных бриллиантами сапфировых сережек, также принадлежавших матери, и те внушительно колыхнулись в ушах. Волосы ее, дабы выставить их в наилучшем свете, были уложены в красивую прическу. После этого она вновь проверила, на месте ли китайский веер из разрисованной слоновой кости, который был прикреплен к тонкой золотой цепочке у нее на поясе.

— Соберись! И перестань прихорашиваться! — прошептала леди Бернхэм. — А то ведешь себя как попугай.

София вздохнула и попыталась придать себе вид спокойного достоинства, как у крестной матери. Нет, но какое же все-таки замечательное у нее платье!

Впрочем, по сравнению с остальными приготовлениями к своему первому выходу в свет, выбрать подходящее платье оказалось легче всего. София брала уроки танцев, этикета и хороших манер. Ее научили правильно обращаться ко всем, начиная с епископов и заканчивая посланниками при королевском

дворе, равно как и ориентироваться в табели о рангах. Она могла поддерживать беседу, пусть медленно, зато правильно, на французском и итальянском. Ее обучение включало и чтение газет, дабы она была в курсе самых последних и важных новостей. Лорд Графтон питал стойкую неприязнь к дурно осведомленным, пустоголовым женщинам, не разбирающимся в текущих событиях и не умеющим достойно поддержать беседу.

И самое главное, София овладела искусством ношения своих новых взрослых нарядов.

Труднее всего пришлось с платьями-манто. Они имели возмутительно широкую юбку-криолин, которая требовала исключительно бережного с собой обращения при нахождении в запруженной людьми комнате и к тому же была очень тяжелой из-за огромного количества ткани. Приходилось ступать не слишком быстро, иначе платье могло запросто привести к потере равновесия. Еще труднее было подниматься по ступеням. Практикуясь дома в своем платье и туфельках на высоком каблуке, София несколько раз больно падала с лестницы, но упорно поднималась и начинала все заново. Она научилась протискиваться боком в юбке-криолине через узкие двери, делать крошечные элегантные шажки, чтобы обручи не раскачивались, словно церковный колокол, в который колотит пьяный пономарь, и изящно располагать ее вокруг себя, путешествуя в экипаже. «Вы должны чувствовать себя бабочкой, складывающей крылья, — наставлял ее учитель танцев, — а не коровой, устраивающейся поудобнее в грязи».

Девушку научили элегантно приседать в реверансе. Хотя София ожидала, что книксен станет самой маленькой из ее проблем, леди Бернхэм заставляла ее снова и снова приседать в новом платье. «Тебе наверняка придется проделывать это на протяжении всего вечера, — предостерегала она девушку. — Это на удивление утомительное занятие».

Оказавшись в обществе, София также могла справиться с критическими положениями личного свойства. Сюда входило умение изящно справить нужду в ночной горшок, искусно укрытый под платьем, чтобы никто ничего не заметил, или же, в случае крайней необходимости, в подкладное судно, зажатое

между бедрами. Впрочем, София надеялась, что до этого не дойдет. Она практиковала этот навык в ночной сорочке, но занятие оказалось чрезвычайно трудным. Страшно подумать, что будет, если она промахнется и из-под ее юбки растечется совсем не элегантная лужа. Дабы избежать подобных неприятностей, девушка ничего не пила с самого завтрака в надежде, что если она не будет пить до тех пор, пока не вернется домой, то наверняка продержится.

Затем возник вопрос с ее новыми туфельками на высоком каблуке. Премиленные, с хрустальными пряжками, то и дело посверкивавшие острыми лучиками, когда изящный атласный носок выглядывал из-под подола, они требовали величественной поступи. Большую часть своей жизни София предпочитала передвигаться быстро и стремительно, но теперь вынуждена была напоминать себе о необходимости выступать чинно и медленно.

Когда вереница гостей двинулась вперед, София принялась еще раз мысленно перебирать все, что должна и чего не должна была делать. Их очередь неумолимо приближалась. Ее бы наверняка пробрала нервная дрожь, не будь она настолько туго затянута в корсет, что ей было практически нечем дышать.

— Наконец-то, — прошептал лорд Графтон. — Ты следующая.

София нервно покосилась на него, но он в ответ лишь ласково потрепал ее по руке.

И тут были объявлены их имена: виконт Графтон, леди Бернхэм и почтенная София Графтон. София прошептала про себя коротенькую молитву о том, чтобы ничего не напутать, не споткнуться и не упасть на пол, получив заслуженный упрек от рассерженного короля, который, как ее предупредили, был ярым сторонником соблюдения этикета вплоть до мельчайших тонкостей, легко терял интерес к окружающим и отличался некоторой бесцеремонностью манер. Она воинственно выпятила подбородок, словно отправлялась на смертный бой. Они поднялись по ступеням и там, прямо перед собой, увидели сидевших на возвышении короля и принцессу Амелию.

По сигналу камергера София сделала пять осторожных шажков вперед, держась между отцом и леди Бернхэм. На по-

добающем расстоянии от членов королевской фамилии она медленно присела в реверансе. Король, имевший довольно угрюмый вид, пробормотал что-то нечленораздельное, и это с равным успехом можно было принять как за любезность, так и за пожелание убираться с глаз долой. Принцесса Амелия улыбнулась и поманила ее к себе. София приблизилась и преклонила колени, помня о своей юбке.

Сколько бы знаменательным ни было представление, оно оказалось очень кратким и быстро завершилось после того, как принцесса поцеловала Софию в лоб и любезно заметила что-то насчет того, как она рада наконец-то увидеть при дворе дочь лорда Графтона. Но потом, к неопишуемому ужасу Софии, король пролаял какой-то вопрос со своим гортанным германским акцентом, сказав нечто вроде:

— Ха! Говорят, что в наши дни дамы все как одна бринялись бисать стихи¹. А вас интересуют боэты и боэзия, мисс Графтон?

Софии показалось, будто она расслышала обвиняющие нотки в его тоне, и принялась лихорадочно думать над тем, что он имеет в виду под «боэзией».

К королю не подобало обращаться с вопросами «Что?» или «Прошу прощения?».

Ее отец, к счастью, предвидел, что она может столкнуться с непонятным вопросом, и в таком случае посоветовал ей отвечать следующим образом: «Если так будет угодно Вашему Величеству, то да, но ровно в той степени, в коей мой батюшка полагает это позволительным». Король, похоже, вполне удовлетворился ее ответом и кивнул. София с облегчением поднялась с колен, трижды присела в полагающемся реверансе и осторожно попятилась подальше от членов монаршей фамилии, заняв прежнее место между отцом и крестной матерью.

Как только они вышли из зала аудиенций, леди Бернхэм сочла свой долг исполненным. Отправив ливрейного лакея за своим слугой в помещение для прислуги, дабы тот кликнул ее

---

¹ Король, будучи немцем по рождению, путает звуки «б» и «п». (Здесь и далее прим. перевод., если не указано иное.)

портшез, она поцеловала Софию, пожелала ей доброй ночи и отправилась домой.

София же дернула отца за рукав: ей не терпелось поскорее оказаться в бальной зале. Двери в нее были распахнуты настежь, и оттуда доносились чарующие такты французского танца, а сама комната была переполнена. Ах, как же ей хотелось танцевать! Она внимала каждому слову своего учителя танцев. София снова и снова практиковалась в менуэте, аллеманде и кадрили, а потому буквально загоняла и своих учителей, и гувернантку, и экономку, и служанок, чтобы они помогли ей освоить фигуры контрданса, в результате чего ее домашние вполне сносно научились исполнять его. Она даже пробовала танцевать в вечернем платье.

Впрочем, их продвижение сквозь толпу гостей оказалось мучительно медленным из-за многочисленных знакомых лорда Графтона, поскольку то один, то другой из них останавливал его, чтобы раскланяться, представиться Софии или обменяться мнениями по поводу государственных вопросов, недавнего выхода в отставку лорда Графтона и заметить между делом, как расстроен был король, лишившись своего специального дипломатического посланника и советника. И все они окидывали Софию оценивающим взглядом.

— Значит, это и есть та самая молодая леди, которая исполняет обязанности хозяйки вашего дома, сэр! Да-да, нам говорили, сколь очаровательными бывают ваши приемы. Вы делаете честь своему отцу, дорогая.

София, словно заведенная, приседала в реверансе и благодарилась им, в глубине души искренне желая, чтобы отец наконец перестал болтать.

— Папа, прошу тебя, будь краток! Этак и танцы скоро закончатся! — нетерпеливо шептала она.

Когда же они в конце концов добрались до бальной залы, хозяйка приема, сверкая бриллиантами, тут же заприметила виконта и, воскликнув, как давно она в последний раз видела его на балу, протянула ему руку для поцелуя.

После того как лорд Графтон представил их друг другу, София вновь присела в реверансе, чувствуя, как платье становится все

тяжелее, когда ей в очередной раз приходится сгибать колени. Хозяйка просияла и незамедлительно предложила взять Софию под свое крыло, дабы предоставить лорду Графтону возможность без помехи пообщаться с друзьями или сыграть в карты. Она также попросила разрешения представить ей своего племянника, высокого молодого майора гвардии. Лорд Графтон соблаговолил дать свое позволение, и офицер тотчас умыкнул счастливую Софию, пригласив ее на танец под любопытствующие взгляды, сопровождавшие пару, которая поспешила занять свое место на танцполе.

Подавив улыбку, лорд Графтон потихоньку отошел в сторону, ибо знал, что ничто не вызывает такого интереса на балу, как новое симпатичное личико. Он заметил, как хозяйка что-то шепчет на ухо своей подруге, показывая на Софию. Уже через несколько танцев его дочь займет полагающееся ей место среди гостей, что устраивало лорда как нельзя лучше. София официально достигла брачного возраста, и лорд ничуть не сомневался, что в самом скором времени дом Графтонов вернет себе былое величие, на что он надеялся и о чем мечтал.

Вскоре по бальной зале распространилось известие о том, что девушка в голубом переливающимся платье — дочь виконта Графтона, и София моментально превратилась в объект самого пристального интереса. Семья была старинной и известной, а лорд Графтон обладал и внушительным состоянием, и большим влиянием, в течение многих лет оставаясь доверенным советником короля по иностранным делам. Острый ум, энциклопедические знания и дипломатическое искусство сделали лорда неоценимым посланником и переговорщиком, вследствие чего, несмотря на свою недавнюю отставку, люди продолжали искать его совета и покровительства.

Привлекательный мужчина шестидесяти лет, лорд Графтон оставался вежливым и обходительным со всеми, проявляя особенную галантность по отношению к женщинам, хотя и сохранял при этом некоторую отстраненность в общении с представительницами слабого пола. Незримая аура трагедии выделяла его среди прочих, поскольку всем было хорошо известно, что сердце его умерло в тот день, когда он похоронил свою прекрасную

ОТ АВТОРА

Написать рукопись и сделать из нее книгу — разные вещи. Мне невероятно повезло в том, что я встретила удивительных людей, которые сумели превратить «Долину Надежды» в настоящую книгу, и я бесконечно благодарна им за поддержку, профессионализм и решимость сделать так, чтобы из моей рукописи получилось достойное произведение. Я была счастлива работать с ними, и если у этой книги будет успех, то он станет заслугой всех нас в равной мере.

Но первой я хотела бы поблагодарить Джейн Дистель, своего агента из литературного агентства «Дистель энд Годрич», за ее поддержку, терпение и дружбу. Джейн — из тех агентов, о которых мечтает любой автор. Ее непревзойденный профессионализм и безусловная поддержка авторов давно уже вошли в поговорку, но Джейн обладает еще и врожденным чутьем, помогая каждому автору раскрыться с наилучшей стороны. В моем случае это означало просто не мешать мне, даже когда мною же установленные сроки нарушались один за другим. Джейн сохраняла олимпийское спокойствие, неизменно приходила ко мне на помощь в нужную минуту и произносила благословенные слова, которые вселяют уверенность в любого автора: «Всему свое время, и спешить здесь ни к чему». Я чрезвычайно признательна и Мириам Годрич из агентства «Дистель энд Годрич» за умение составить и воплотить в жизнь любой контракт, а еще за первую редакторскую правку моей рукописи. Я очень ценю ее поддержку.

Работать же с издательством «Амазон паблишинг», как всегда, одно удовольствие, поскольку они неизменно стремятся представить своих авторов и их книги в лучшем свете. Особую благодарность я хочу выразить Таре Парсон, шеф-редактору

«Амазон паблишинг», за ее бесконечное терпение, неиссякаемый энтузиазм и поддержку, которые с первой же нашей встречи убедили меня в том, что моя книга попала в хорошие руки. Хочу поблагодарить ее за лестную оценку моего труда и вклад в редактирование моей рукописи. Наконец, я не могу не упомянуть впечатляющую способность Тары изящно и быстро решить любой вопрос во время конференции, проводимой с помощью многоканальной телефонной связи.

Выражаю искреннюю признательность Джуди Ворсо, старшему редактору издательства «Амазон паблишинг», за ее поддержку, участие и профессионализм, благодаря которому издательский процесс протекает гладко и безо всяких усилий, по крайней мере с точки зрения автора. Мне было очень легко и приятно работать с нею.

И наконец, я бы хотела сказать «спасибо» замечательной авторской команде издательства «Амазон» и особенно Габриэлле ван дер Хейвель, у которой моментально находился ответ на любой мой вопрос.

Мне выпала невероятная удача поработать и с художественным редактором Шарлоттой Гершер. Она способна блестяще и безупречно разобраться в любой, даже самой объемной рукописи и обладает редким даром проникать в самую суть намерений автора. Ее уверенная рука преображает любое творение, а на ее суждение я полагаюсь целиком и полностью.

Я очень ценю тот нелегкий труд, что выпал на долю редактора текста Лауры Петреллы. Стыдно признаться, но редакторская правка является порой жизненно необходимой, особенно если означенный автор застрял где-то на перепутье между британским и американским английским. Лаура проделала безупречную работу с очень объемной рукописью.

Выражаю благодарность и Шасти О'Лири-Судант, которая умеет искать и находить самые характерные образы для любой эпохи, а также подобрать наилучшее воплощение для обложки книги.

И в заключение не могу не сказать о том, что собственная семья не устает изумлять меня своей безусловной и щедрой поддержкой любых моих авторских начинаний. Особенно ког-

да речь заходит о моем супруге, Роджере Лоу, который мирится с моей абстрактной сосредоточенностью на других эпохах, воображаемых людях и временных рамках, не говоря уже об очень поздних ужинах, и который готов с любовью, добродушием и умением справиться с любым кризисом так, как мне и не снилось. Он не находит ничего необычного в замечаниях типа «У меня ум за разум заходит, а голова разрывается на части» и понимает, что в идеале мне требуется для работы уединенное, тихое местечко, которое Вирджиния Вулф называла «своей комнатой», а он именует «строгой изоляцией».

Учитывая, что большую часть своего времени я провожу в этой самой строгой изоляции — в мире, созданном моим воображением, — мне всегда радостно вновь вернуться туда, где живут настоящей, реальной жизнью Роджер, Касс, Мишель, Нильс, Джонни и наши обожаемые внуки — Бо, Поппи и Джейк, причем весьма деятельным образом. Они мои самые верные сторонники и самые невзыскательные критики. Все, что я пишу, я пишу ради них.

Хелен Брайан

ОБ АВТОРЕ

Хелен Брайан родилась в Вирджинии, но выросла в Теннесси. Закончив Барнард-колледж, она перебралась в Англию, где изучала юриспруденцию и даже проработала десять лет судебным адвокатом, прежде чем целиком посвятить себя литературному творчеству.

Брайан является членом «Внутреннего темпла», и ее перу принадлежат четыре предыдущие книги: роман о Второй мировой войне «War Brides», исторический роман «The Sisterhood», биографическая новелла «Martha Washington: First Lady of Liberty», удостоенная почетной премии Национального общества дам колониальной Америки, и юридический справочник «Planning Applications and Appeals». Роман «Долина Надежды» является первым в задуманной ею трилогии, основанной на прочитанных в детстве историях о ее предках, осевших в Вирджинии и Мэриленде до того, как Теннесси стал штатом.

Хелен Брайан вместе с семьей живет в Лондоне.

Літературно-художнє видання

БРАЙАН Хелен

Долина надії

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*

Редактор *С. М. Губська*

Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *І. М. Крамаренко*

Підписано до друку 20.06.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 33,6. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

БРАЙАН Хелен

Долина надежды

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *С. М. Губская*

Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *И. Н. Крамаренко*

Подписано в печать 20.06.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 33,6. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Софія Графтон осиротіла. Дівчина перебуває в розпачі, але знаходить в собі сили та сміливість вирушити на пошуки єдиної власності, що залишилася від батька — тютюнової плантації в колоніальній Вірджинії. Незабаром виявляється, що батька ошукали: ні маєтку, ні плантації немає... Заручившись підтримкою свого знайомого — красеня офіцера та французького шпигуна — і зібравши кілька рабів-утікачів і слуг, дівчина змушена починати життя з чистого аркуша. На Софію чекають випробування, їй доведеться подолати свої страхи. Але потім вона здобуде те, заради чого була готова на все...

Брайан Х.

Б87 Долина надежды : роман / Хелен Брайан, пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 640 с.

ISBN 978-617-12-3379-9

ISBN 978-1-5039-3615-7 (англ.)

София Графтон осиротела. Девушка пребывает в отчаянии, но находит в себе силы и смелость отправиться на поиски единственной собственности, оставшейся от отца — табачной плантации в колониях Вирджинии. Вскоре оказывается, что отца обманули: ни поместья, ни плантации нет... Заручившись поддержкой своего знакомого — красавца офицера и французского шпиона — и собрав несколько беглых рабов и слуг, девушка вынуждена начинать жизнь с чистого листа. Софию ждут испытания, ей предстоит преодолеть свои страхи. Но потом она обретет то, ради чего была готова на все...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)